

— Кайфань, я тебя напугал?

В глазах Чжун Кайфана мелькнул испуг, но тон его был холодновато-равнодушен:

— Ничего, всего лишь полжизни осталось.

А Юань не удержался от смешка, но, смеясь, вдруг заплакал и пообещал Кайфаню:

— Кайфань, я буду вести себя хорошо.

Эти слова словно вонзились прямо в сердца обоих, неся в себе мягкую, но жестокую силу, связав их сердца воедино. Они оба понимали, насколько хрупка и драгоценна жизнь.

В воздухе внезапно наступила тишина, словно поверхность озера, отражающая тайны их сердец.

— Ты же говорил, что пробудешь в Цзянси несколько дней? Почему так быстро уезжаешь? — спросил А Юань, шмыгнув носом.

Чжун Кайфань ответил:

— Если я тебе не нравлюсь, разве мне не нужно поскорее свалить?

Линь Юань взял его лицо в ладони, не удержался и ущипнул:

— Не можешь сказать что-нибудь приятное?

— Не могу.

Линь Юань завуалированно послал его:

— Из собачьей пасти слоновой кости не выбьешь, ха-ха-ха...

Чжун Кайфань не обратил на это ни внимания, глядя на А Юаня с его чистым и благородным обликом, он уже начал терять контроль над собой:

— Если только...

А Юань с ясным взглядом продолжил его мысль:

— Если только что?

— Если ты меня поцелуешь.

— Чжун Кайфань! — Линь Юань тут же в испуге отдернул руку, щеки его залились румянцем. Он боялся устраивать скандал на съемочной площадке: вдруг кто-то что-то сфотографирует или запишет — это будет начало конца, да и Кайфана пострадавшим не оставит.

— Нельзя, — Линь Юань оттолкнул его, но Кайфань обнял его еще крепче, не обращая внимания на последствия:

— Я полжизни от страха потерял, а ты даже поцеловать не даешь?

С этими словами его рука уже скользнула к его талии.

Линь Юань в панике огляделся по сторонам, опасаясь камер наблюдения, но, быстро осмотревшись, пока не обнаружил ничего подозрительного.

Чжун Кайфань обхватил его шею, оставаясь в полуприседе, и легко притянул А Юаня к себе. Его поцелуй уже начал скользить по лицу, с терпением целуя брови и переносицу, но тот, тяжело дыша, уворачивался:

— Кайфань, я... еще не смыл грим.

Чжун Кайфань взял его руку и прижал к своей груди:

— Мне всё равно.

В конце концов, соприкоснувшись с ним носом, он прикрыл его губы, проявляя невероятную нежность и мало-помалу разрушая оборону в сердце А Юаня.

Что же такое любовь? Кайфань уже не мог точно вспомнить. Он помнил лишь те самые безудержные годы с А Юанем, когда их тела соприкасались, впитывая ароматы друг друга, словно сливаясь воедино.

Это был тот самый вечер, когда закат окрасил всё вокруг, а свет проникал сквозь бамбуковые шторы, просеивая время в тонкие полоски. Над книжным шкафом висело растение в горшке, его листья были темно-зелеными и блестящими, а побеги, выбиваясь из плетеной корзины, переплетались между собой, кончики их слегка загибались с игривым изгибом. Тонкие занавески мягко колыхались, наполняя комнату бесконечным шампанским светом, словно легкая юбка майской невесты.

А Юань лежал на его груди, тяжело дыша, в его глазах читалась жадная усталость, рука всё еще покоилась на животе Кайфана, и он с улыбкой спросил:

— У тебя до сих пор есть пресс?

Кайфань, заложив руки за голову, с легкой улыбкой ответил:

— А кто виноват, что ты не занимаешься спортом?

А Юань приблизился, поцеловал его в губы и через мгновение с неохотой произнес:

— У меня только ребра, ха-ха-ха...

В воздухе чувствовался жар, тонкое одеяло соскользнуло до талии, и Кайфань заметил, что А Юань уже опустился ниже; в размытом видении были лишь колеблющиеся складки темно-синего пледа. Влажное и горячее прикосновение вызвало мурашки по всему телу Кайфана, он непроизвольно сжал простыню, вены на руках вздулись, а дыхание стало прерывистым с тяжелым стоном.

Удовольствие постепенно нарастало, словно поджигая душу, тихое и необузданное. Кайфань резко вдохнул:

— Ссс... А Юань, не кусай так сильно...

Это было как внезапный проблеск весны, как лес, окрашенный в яркие краски.

В жизни А Юань потакал Кайфаню, а в близости Кайфань потакал А Юаню. Он был согласен на

всё.

В те годы, когда бед еще не было, А Юань был довольно смелым, хоть и застенчивым.

Простыми словами: у него были желания, но не хватало смелости. И только после множества попыток он понял, что Чжун Кайфань всегда будет ему потакать, и стал всё более и более своевольным.

Кайфань помнил, что в тот день лекция по теории была вечером, и домой он вернулся уже после десяти. Успев лишь положить книги, как А Юань уже подошел, с лукавым взглядом уставившись на его тонкие очки в оправе:

— Интеллигентный подлец.

Книги с грохотом разлетелись по полу, А Юань прижал его к двери и стал целовать, разжигая его желание.

Сказать, что Кайфань был воздержан, — это была чистая правда; по сравнению с ним, А Юань казался сластолюбцем.

Позже А Юань узнал, что Кайфань был не столько воздержан, сколько слишком сдержан, предпочитая скрывать всё в себе.

Раньше, когда Кайфань приходил в Центральную академию драмы к А Юаню, он не раз видел девушку, стоящую рядом с его велосипедом. Она была довольно красивой, а по одежде — общительной и открытой.

В то время А Юань как раз сменил свой горный велосипед, потратив на него более 8 000. Основная рама была черной с белыми всплесками, материал — авиационный углепластик: сверхлегкий, но прочный, с мощной трансмиссией. А Юань с подозрением обернулся:

— Кайфань, ты не думаешь, что она хочет украсть мой велосипед?

Уголки губ Чжун Кайфана дернулись. Он никак не мог понять ход мыслей А Юаня, который всегда думал как дурачок. Но и правда: если бы А Юань не был таким простаком, как бы он попался на его удочку? После этого случая Кайфань понял, что за А Юанем кто-то ухаживает, и позже он довел А Юаня до состояния, когда тот не мог встать с постели.

В течение какого-то времени А Юань, стоило ему увидеть Кайфана, тут же слабел в коленях и больше не смел брыкаться.

А Юань был первой любовью Кайфана. Позже Чжун Цань спросил его, как бы он определил А Юаня. Кайфань закрыл книгу, и на его лице появилась легкая краска:

— Любимый человек.

Они познакомились в семнадцать лет, четыре года любили друг друга, шесть лет были в разлуке — и вот уже прошло десять лет.

Время размолото ту крупицу нежности в их сердцах в пыль, смешав её с глубокими и горячими ранами, в чем-то самом сладком таилась самая горечь.

Даже так Кайфань не отпускал, словно готов был погибнуть вместе с этой трещиной, идя в самый край небытия.

Удовлетворенный, Чжун Кайфань медленно разжал руки. Увидев, что губы А Юаня покраснели от его поцелуев, он почувствовал укол боли и, четко выговаривая каждое слово, произнес:

— А Юань, я принимаю тебя любим.

А Юань, опираясь на его плечо, тяжело дышал, словно всхлипнул. Он обнял Кайфана за шею и, опустив голову, тихо промычал:

— Мм.

Слеза скатилась по его носу и упала на белый воротник рубашки Кайфана. Он понимал, что имел в виду Кайфань, но в сердце было так больно. Он никогда не мог забыть то, через что прошел, и, помимо слабой самооценки, он боялся, что запятнает Кайфана.

Он постепенно чувствовал, что Кайфань учится просить прощения. В ключевых вопросах, хотя он и не говорил прямо «извини», как в прошлый раз, А Юань ощущал его раскаяние и сожаление. Иначе Кайфань не вернулся бы с полпути и не терпел бы до сих пор.

Кайфань одной рукой погладил его лицо, другой сильнее обнял, прижимая А Юаня к себе, словно держа в руках величайшее сокровище. С искренностью в голосе он произнес:

— А Юань, больше не уходи от меня, ладно?

— Хорошо, — с рыданием ответил А Юань.

— Мы будем в порядке.

— Хорошо.

— Не беспокойся ни о чем, обо всем позабочусь я.

— Мм.

А Юань шмыгнул носом, потирая глаза, и невольно встретился взглядом с ясными и уязвимыми глазами Кайфана. Он всегда считал, что виноват в случившемся с Чжун Цанем. Даже если он сидел на пассажирском сиденье, если бы он не пил, всё бы не зашло так далеко. И всё же он спросил:

— Кайфань, ты ненавидишь меня?

Чжун Кайфань, измученный до глубины души, с красными от усталости глазами ответил:

— Ненавижу.

Ненавижу за то, что он собственноручно разрушил свои надежды, ненавижу за то, что он один перенес столько страданий, ненавижу за его решимость, подобную самосожжению.

— Ты же говорил, что не ненавидишь меня! — Хотя в душе он знал, что Кайфань, конечно, все еще испытывает ненависть, но услышать это своими ушами было невыносимо. А Юань повысил голос, в тоне чувствуя сильную обиду. — Значит, ты меня обманывал.

— Это была правда, и сейчас тоже, — по слогам объяснил Кайфань.

Его чувства к А Юаню были сложными, их трудно было описать одним-двумя словами.

У А Юаня снова выступили слезы. Кайфань не мог видеть его плачущим; он вытер его слезы и продолжил:

— Но люблю сильнее.

<http://bllate.org/book/16849/1550797>